

Белла Кердман

Островские

Это знакомство состоялось, думаю, в начале 80-х. Коллега Голубовский привел меня к известному художнику Иосифу Островскому, которого Одесса ласково звала Осиком, – у нас все хорошие художники носили ласковые имена: Люсьен Дульфан, например, был Люсиком, и Люсиком же звали Илью Межберга, а Валентин Хрущ был Валик или Хрущик, Слава Сычев – Сычик. Впрочем, плохих художников Одесское художественное училище им. Грекова (Грековка) не выпускало. Даже когда директором был Василий Соколов, которого учащиеся называли Васькой, оттуда выходили крепкие мастера. Не знаю, как сейчас, когда училище стало академией. При знакомстве Осик показал мне серию «старых евреев» – эти замечательные картины ему там и тогда выставлять не разрешали.

Во второй раз я встретила с художником в октябре 1990-го, когда по приглашению родной тетки гостила у нее в Иерусалиме. Мои знакомые одесситы, уже здешние «ватики», предложили съездить к Островскому, относительно недавно приехавшему в Израиль на ПМЖ. Разумеется, я согласилась. Мы знали, что Осик перенес в Одессе сложную операцию, и здесь ему предстояла вторая ее очередь. А пока он писал улицы Тель-Авива, подбираясь, как сказал, к великой натуре Иерусалима. И безумно скучал по Одессе.

Я рассказала Иосифу, что у меня есть одна его картина: старая кухонная утварь – холст, масло. И дата там сохранилась: 1965 год. «С медным чайником и медным подносом?» – с надеждой спросил художник и обрадовался, когда я подтвердила: он эту работу давно потерял из виду.

Мне подарила ее подруга в день рождения. Ей картина досталась в наследство от бывшего мужа, который со своим

Старая кухонная утварь

скромным скарбом явился к ней умирать. Он же получил ее в виде карточного долга от какого-то партнера по преферансу. Полотно слабо грунтовано, часть краски осыпалась, нужна реставрация, но я не решаюсь кому-то доверить такую работу. Островский велел никого не допускать к картине: он сам все сделает, когда приедет в Одессу, либо когда я приеду в Израиль. Объяснил, что картины при перевозке следует сворачивать маслом вверх, чего я не знала. И рассказал свою историю об этом полотне.

На одной из одесских выставок к Иосифу подошел посетитель, осведомился о цене «Старой кухонной утвари» и попросил ее не продавать – он покупает. По окончании выставки рассчитается и заберет. На всякий случай записал домашний телефон художника. Года два картина оставалась у автора, никто за ней не являлся. И вдруг тот человек позвонил. Узнав, что работа на месте, сказал, что сейчас ее заберет, и записал адрес.

– Покупатель приехал с товарищем, – вспоминал Осик. – Стал бережно ощупывать полотно кончиками пальцев. Полагая, что имеет дело с настоящим ценителем, автор стал выставлять перед ним своих «старых евреев». «Не надо, – остановил его покупатель. – Я потерял зрение. Полностью. А старую вашу работу покупаю по памяти...»

– Кажется, тот человек был учителем. Не могу понять, при чем тут преферанс, – удивился художник моему сообщению.

Его появление в Израиле не прошло незамеченным. У Островского взяли работы для выставки художников-репатриантов из СССР, которые в пору Большой алии устраивались периодически. Сюжет показали по ТВ. Репродукции «старых евреев» поместили в каталог выставки. И вскоре И. О. посетил некий англичанин, то ли коллекционер, то ли галерейщик, купил десяток работ и пригласил на месяц-другой поработать у него в Лондоне.

«Я согласился и предложил поехать через Одессу – мол, там есть очень интересные художники. Он мой энтузиазм повернул по-своему: слетаем, дескать, в Париж, вот куда! Как ему было понять, что без Парижа я как-то привык обходиться, а без Одессы – нет?» – с грустью сказал Осик.

Во время той встречи в доме появился парнишка, сын Островских Мишка. То ли старшеклассник, то ли начинающий студент. Наши разговоры, видимо, ему были неинтересны – он крутанулся, схватив со стола что-то съестное, и тут же исчез. На обратном пути я услышала от друзей, что английский гость предложил Мишке собирать и отдельно складывать папины наброски, черновики, за что он получит вознаграждение.

На ПМЖ в Израиль я прилетела в мае 1994 года. Без контейнера, с тем багажом, который разрешалось взять в самолет. В кабину пронесла портативную пишущую машинку и несколько картин

Иосиф Островский и Аркадий Львов

одесских художников, без рам и подрамников, свернутых (маслом вверх) и помещенных в тубус, в каком носят обычно чертежи. Среди картин было и полотно Иосифа Островского. В живых я его, увы, не застала. Так и повесила «Старую кухонную утварь» без реставрации на стенку в съемной квартире.

Гена (здесь он зовется Гани) Дорин, муж моей приятельницы, художник родом тоже из Одессы, поглядывая на поврежденное временем полотно, предлагал: «Давай поправлю!». Я не решалась. Но однажды он явился ко мне с кистями и красками, вынес на «мерпесет» работу Островского и сделал, что считал нужным. На удачу у него получилось именно восстановление старого письма, а не его обновление, что выходит у некоторых реставраторов.

Сейчас я живу в хостеле в Мазкерет-Батье (Памяти Батьи, так звали маму Ротшильда, инвестировавшего постройку этого городка в пригороде Реховота). По стенам моей комнаты раз-

Иосиф Островский и Биньямин Нетаньяху

вешены картины, привезенные из Одессы, а также купленные у здешних художников или подаренные ими. У каждой работы, как водится, – своя история. В 2005 году я рассказала об этих историях в одной из русских газет Страны, сопроводив текст репродукциями. Позвонил Меир Островский – бывший Мишка. Договорились пообщаться по e-mail, а то и встретиться. Однако общение не состоялось – я вскоре Мишку-Меира потеряла.

Спустя еще несколько лет получила письмо от Люсьена Дульфана, давно проживающего в США. Он рассказал об одной из выставок работ Осика, прислал несколько фотографий. Про сына художника сообщил, что он теперь многодетный отец семейства, хозяин художественной галереи. Поискала Меира среди галерейщиков Израиля, поспрашивала знакомых художников – безрезультатно.

И вдруг недавно в моей почте появился его запрос о «дружбе» в Фейсбуке. Разумеется, я поспешила подтвердить согласие, хотя в этот виртуальный клуб заглядываю редко – не умею

«дружить» принародно. Тут же спросила бывшего Мишку, где он и что. И началась у нас переписка по e-mail вперемежку с телефонными разговорами. Оказывается, никакой он не галерейщик, и никогда таковым не был. Он – религиозный еврей, имеющий звание раввина. Нет, не «ультра», но хорошо знающий и соблюдающий законы и традиции иудаизма, преподающий их на иврите и на русском языке. А найти его я не могла потому, что он 13 лет (!) не был в Израиле: был президентом еврейской школы от министерства образования Израиля в Украине, в городе Днепре, бывшем Днепропетровске.

Б. К.: Давай сначала, Миша. Сколько лет тебе было, когда вы, Островские, приехали в Израиль? Что ты успел в Одессе? В каком составе прибыли – всей семьей или кто-то раньше?

М. О.: Мне было 16 лет. Приехали все вместе: папа, мама, бабушка, моя старшая сестра Света с мужем и двумя детьми и я. Мы поселились в Рамат-Гане, а Света с семьей – в Маале-Адумим. В Одессе я почти окончил медицинское училище. Очень старался войти в пять процентов выпускников, чтобы в Израиле поступить в медин. Мне засчитали это за аттестат зрелости. Здесь я подал документы в несколько вузов. Остановились на Иерусалимском университете. Мы с папой познакомились там с профессором Фридманом, математиком мирового уровня родом из района Шепетовки. Отец поговорил с ним на идише и рад был узнать, что мне предстоит изучать не только специальные предметы, а и еврейские.

Б. К.: Продолжим. Как я поняла, ты приступил к учебе в техническом вузе? Не окончив даже ульпан? Каково это было?

М. О.: Очень трудно! Только представьте себе: учить макроэкономику, о которой понятия не имел, да еще на новом языке! Приходилось сидеть в библиотеке до трех ночи. Но буквально через год с языком уже проблем не было, и я успевал не только учиться, но и работать. Кстати, о иврите. Папа и мама буквально фанатировали этим языком, учили его в свое удовольствие днем и ночью. Мама вскоре стала работать библиотекарем в городской библиотеке, а папа вел занятия по искусству живописи. Папа был человек с юмором. Незадолго до смерти он сказал: «Так хорошо выучил иврит, что даже умирать жалко».

Б. К.: Проясни, пожалуйста, что с тем англичанином, который пригласил папу в Лондон. Они куда-то ездили?

М. О.: Англичанина звали Мартон Браун. Он был религиозным евреем, бизнесменом и арт-дилером, увлекался коллекционированием картин. В папины работы влюбился сразу. Да, он увез его в Лондон, организовал ряд его выставок и продаж картин. Папа, которого Мартон называл Йоселе, жил у него несколько месяцев. Выставлялся, по-моему, даже в Catto Gallery. Готовя к выпуску папин альбом, я наткнулся на книгу Брауна, где есть глава «Рядом с Иосифом Островским». Прилагаю фрагмент этой книги. В разгар войны в Персидском заливе отец бросил Лондон и вернулся в Израиль. Почему-то с Аркадием Львовым, известным писателем и журналистом, одесситом, проживающим в Америке. У нас не было для него противогаза, и когда летела ракета, они с папой делили один на двоих, передавая его друг другу.

Б. К.: Важный для Израиля вопрос: что с армией? Служил ли ты, служат ли твои дети?

М. О.: Я учился в институте, параллельно служа в армии. Успел сделать курс молодого бойца и собирался поступить на офицерские курсы. Но тут я женился, пошли дети... Об армии у меня остались самые классные, теплые воспоминания. Из моих детей пока лишь один мальчик достиг призывного возраста; он музыкант и проходит альтернативную службу, живет в общежитии.

Б. К.: Кто из одесситов встретил вас по приезде в Израиль, кто из известных представителей культуры бывал в гостях у отца?

М. О.: К папе всегда тянулись люди. Не только потому, что он был большой художник, – он был теплый, общительный человек. Нас тепло встретила и помогала обустроиться семья известного в Одессе художника светлой памяти Миши Матусевича. Приезжали израильские художники Саша Окунь, Михаил Гробман, Ян Роутвегер. Часто бывал у нас Игорь Губерман. Из Москвы приезжали Зиновий Гердт и Михаил Козаков...

Б. К.: Когда и как произошло твое «возвращение к ответу»? Семья Осика, насколько я знаю, не была религиозной.

М. О.: Были глубокие корни. Наша бабушка соблюдала все заповеди. В доме всегда отмечали Песах и Пурим. Все, кроме нас, детей, говорили на идише. Как большую святыню хранили

Меир с женой Эстер

тфилин деда. Мне здесь все это стало жутко интересно. В институте я познакомился с интересными людьми, которые оказали на меня влияние. Особенно раб Барух. Но, прежде всего, это отец – это его портреты старых евреев, которые запрещали выставлять в СССР. И это его последние слова, прозвучавшие как завещание. Его не стало в тишине Йом-Кипур – Судного дня. Он собрал нас перед кончиной – я думал, чтобы отдать распоряжения насчет своих картин. А он сказал: «Бог есть, был и будет. Мне сейчас хорошо, я иду к Нему». И я стал соблюдать все, что положено соблюдать еврею. Сестра Светлана стала так жить несколько раньше, еще в Одессе.

Б. К.: Расскажи о своей жене, Меир: как ее зовут, где вы познакомились, чем она занимается, кроме семьи.

М. О.: Ее зовут Эстер, она дочь замечательного московского художника Михаила Моргенштерна. Мы познакомились в деревне Псагот, куда я ездил навещать сестру. Любопытно, что наши отцы вместе выставлялись в Иерусалиме и в деревне ху-

дожников Санур, так что были знакомы раньше. Эстер – учительница с пятнадцатилетним стажем, преподает еврейскую историю, иврит, традиции. Сейчас готовит вторую научную степень – по психологии.

Б. К.: В Украину вы отправились с женой? А дети? Взяли с собой или на кого-то оставили?

М. О.: Начну с того, что я не только отец восьмерых детей, а и дедушка двух внуков: две мои дочери, проживающие в Филадельфии, вышли замуж, мы довольны зятями. Не терпится взять на руки внучек, но – увы, карантин... В Днепр мы отправились с двумя детьми, там родились еще четверо, следующие двое – по возвращении в Израиль. Да, у Светланы, которая живет с мамой в Псаготе, шестеро деток. Мы, Островские, заметно увеличили еврейское население Израиля!

Б. К.: Спасибо за интересную беседу, Меир. В заключение я приведу несколько строк из эссе английского художника и лекционера Мартона Брауна о твоём отце:

«В Йоселе сочетались гений и ребенок. Он был честным и настоящим человеком. Не из моральных соображений и не из стремления к идеалу. А оттого, что у него не было никакого соблазна вести себя иначе – настолько уравновешенным и чистым был его дух. Мы вместе стояли перед одной из его самых мудрых картин, и он произнес: «Ну, не знаю... Я так тогда чувствовал».

Израиль

